

МИХАИЛ ШЕЛЕХОВ

ВОЛЧЬЕ ПОЛЕ

ИСТОРИЯ

I. Книга земного сна

Пишут историю люди,
Раскапывают мертвеца.
Пишут о битой посуде,
Не помнят ни глаз, ни лица.
 Ни Бога, ни блага, ни страха
 В развалинах не сыскать.
 Но мало земного праха —
 В небо идут копать.
Синий копают воздух,
Раскапывают века.
Ищут в сгоревших звёздах
Райского червяка.
 Пишут историю люди,
 Темную песнь конца.
 Наёмники, слуги, судьи —
 Славят, как хор, мертвеца.
Рвутся пути земные,
Буйствуют племена,

ШЕЛЕХОВ Михаил Михайлович родился в 1954 г. в деревне Пешки Берёзовского района Брестской области. Окончил Белорусский государственный университет, Высшие курсы сценаристов и режиссёров при Госкино СССР и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького. Поэт, прозаик, переводчик, публицист, сценарист. Лауреат нескольких творческих премий. Автор ряда книг поэзии, а также повестей и романов. Живёт в Минске.

Правя лишь запятые
В книге земного сна.
Царственно и пустынно
Пишет за род людской
В книге Отца и Сына
Набело Дух Святой.

II. Песня битой посуды

Пишут историю люди. Празднуют мертвеца.
Верят битой посуде, а не своим отцам.
Выроют бисер славы, угли былых идей,
Рваные бусы яви, желтые кости дней.
Пишут историю дети. Закапывают отцов.
Нету начал на свете. Нету во тьме концов.
Пишут слепые хроники. Закапывают живых...
И превращают в сонники историю для слепых.

Просто земное дело. Краток лукавый век.
Метаморфозы тела празднует человек.
Но ни любви, ни страха в ямах не отыскать.
Мало земного праха — вечность идут копать.
Режут лопатой сущее, раскапывают эфир.
Безумного бога-случая тащат царем на пир.
Выроют ветошь сплетен. Просеки, пни и сны.
Рыбьи скелеты песен. Челюсть первой войны.

Космос копают синий. Клекочет орлом рука.
Среди мировой пустыни — ни Бога, ни червяка.
Пишут историю люди. Долгую песнь конца.
Ангелы, слуги и судьи закапывают мертвеца.
Не победят раскопки могильщиков страшных сил.
Матери зоркой штопки — всюду заплаты могил.
А над землею чёрною пишет стилем креста
Собственную историю Страшная высота.

СМЕРТЬ ЧАСОВ

Не заводи часов, мой друг.
Пусть на руке умрут со мною.
Пусть из могилы тихий стук
Вспугнёт воров ночной порою.
Мои часы умрут с тоской.
Но у часов в запасе крылья.
Они кузнечиком за мной
Переместятся в звёздной пыли.
Туда, где ты — и тишина
Висит на плечиках растений,
Где ручкой маленькой весна
Часы заводит откровений.

ЕВРАЗИЯ

Повременю я, пока не ушёл, —
Молча, один, навсегда.
Сила могилы — и лёгкий Эол.
А между ними — вода.
Между Востоком и Западом я

Точно возник меж людьми
И раздирающий сон бытия
Сбил, как гвоздями, костями.
Мясо пространства давно бы с костей
Сшиб метеор и ледник —
Кровью упорных и в смерти людей
Сшит, как ладя, материк.
Сшит он крестами, как шьют моряки
Парус морской седины.
Есть там мои золотые стежки —
Старой Евразии сны.

ВОЛЧЬЕ ПОЛЕ

Жуки гремели в майское стекло.
Зимою выла дикая баллада.
Лицом на волчье поле детство шло
У школьного запущенного сада.
 Забор тенист, он явно мне не в масть.
 Есть, правда, лаз по краешку колодца.
 Но что так сердце ошалело бьётся —
 У шатких ног моих хохочет пасть.
Утопленные вёдра в глубине
Происли цинком, старческие пломбы.
Гнилой оскал показывает мне
Из речки изгнанный на берег омут.
 Его я перешагивал — и в сад
 Скакал бесстрашно зорким ирокезом.
 Червивый сад не щебетом дриад
 Встречал меня, а дряхлостью помпезной.
За ним стоял военный гарнизон
С шагистикой и треском самоволок.
И старый дальше спал аэродром,
С навозом стад и редкостью двустволок.
 А дальше — волчье поле, волчий мир.
 И волчьи посеребренные тропы
 Кроили для души моей мундир
 И синим льдом трезвили первый опыт.
В колодце грязный обретался гость.
Но не с тремя, как Кербер, головами,
Не змеями усыпан, вроде звёзд,
Полузаброшен мусора дарами.
 Валялся там разбухший дохлый пёс.
 И через вонь убитого колодца
 Я прыгал в сад — и наступал на хвост
 Лежащего визгливого уродца.
Так постигал я это слово — рай,
Как пышное бесплодное явление,
Где выродились в мелочную явь
Достоинства, породы, поколенья.
 У сада дом стоял, а в доме том
 Жила, как и понятно, дочка Грома.
 Она была при всём в уме своём,
 Хотя порой не ночевала дома.
Есенина, запретные для дев,
Она читала ночью сочиненья.
И искушала чей-то страшный гнев.
И Гром ворчал в несильном отдаленье.

С той дочкой Грома я хотел в саду
Вдруг очутиться, но она бежала
На танцы, предавая простоту.
Лишь волчье поле глаз не предавало.
Оно за домом до чужих морей
За горизонт тянуло сизый опыт.
И тысяча дорог страны моей
Слились и превратились в волчьи тропы.

СЛАВА КРЫШИ

На Олимп засмотрелись поля,
Где Геракл и весёлая Геба.
Все столпы схоронила земля,
Но не падает вечное небо.
Приковал его, что ли, Гефест
Золотыми гвоздями к эфиру.
Или взял на плечо своё крест
На полвремени, данные миру.